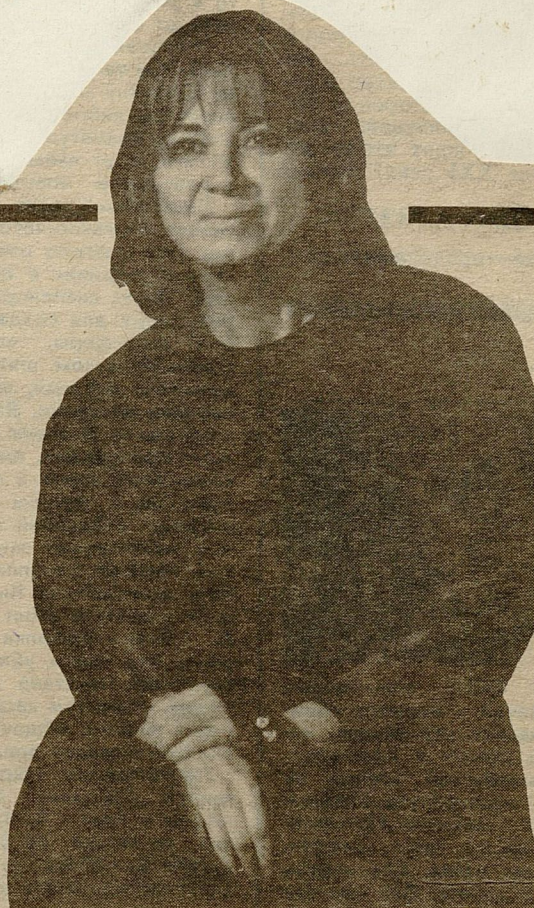

Демидова
Анна

4/VI-91.

В пору давать охранную грамоту русскому языку. Что мы слышим ежедневно? Какой-то немислимый сленг. С непредсказуемыми ударениями, не к месту упомянутыми иностранными словами, канцелярскими оборотами, беспомощными междометиями. Так говорят по радио, телевидению, в фильмах, спектаклях, с парламентских трибун. В скором времени наша речь «обогатится» еще более. Грозят выпустить словарь воровского жаргона!

Остановитесь, ради бога. Послушайте русскую речь. Она звучала по Российскому телевидению в передаче «Поэтический театр Аллы Демидовой». Актриса читала Пушкина, Блока, Бродского, Мандельштама, Пастернака. Эпиграф вечера строки поэта: «Печаль моя светла...»

Несколько лет назад Демидова меня спросила: «Как читал Владимир Яхонтов?» Я пыталась вспомнить его голос, который производил впечатление магическое. Он бывал суровым, мечтательным, трепетным, нежным. Передавал не только мелодию слова, но и красоту его. Ритм был для артиста столь же важен, как важен он в музыке. Сегодня пришел на память этот давний разговор, потому что и для Демидовой важны ритм и мелодия, которые ведут за собой актрису и подчиняют себе публику. Вспоминаю, как Демидова читала «Пиковую даму». Сколько иронии, лукавства, озорства. А сегодня — «Бесы». Выбор другой, и Пушкин другой. В интонации — жутковатое завывание метели, кружение нечисти, постепенное нагнетание ужаса. Что в этом слышится? Не бесовщина ли наших дней?

Поэтический вечер предполагает и разговор с публикой. Разговор на равных, когда собеседники понимают друг друга. Аргументом в размышлениях актрисы становятся стихи. Вот Блок, что пришел в поэзию на смену эпох, когда жизнь принесла иное мироощущение, иные ритмы, иные моды. «Шаги коменданта» прочитаны намеренно манерно. Жесткий ритм, будто отбиваемый мет-

рономом. Как рефрен протяжно повторяется: «Анна! Анна!» — в этом имени слышится бой старинных часов, отмеряющих вечность. В каждом стихе Демидова находит ударное магическое слово. Вот известное блоковское: «Никогда не забуду — он был или не был». Всплывают воспоминания давно прошедшего. Слово в замедленной съемке. И вдруг летящее, разрушившее монотонный ритм слово — «лови!»...

«Все его стихи — его жизнь. В них звенит одиночество». Это об Иосифе Бродском. Демидова рассказывает о встречах с ним для того, чтобы слушатели ощутили истоки ностальгической грусти поэта. Элегическую задумчивость в «Письме к римскому другу».

Трагический гений Пастернака представлен прозой. Начало «Доктора Живаго». Горестный аккорд похорон. Рыдающий мальчик у могилы отца. И как предопределение судьбы: «Гул затих. Я вышел на подмостки». Демидова умеет держать паузу. Она бывает столь же значительной, что и слово. И в этом умении — высота мастерства.

Поэтический театр актрисы многомерен. В нем и цветастая «Федра», и музыкальная композиция «Реквием» Ахматовой, и вечер, которому мы были свидетелями. Этот театр интеллигентен, талантлив, умен. Безупречен по вкусу. Жаль, что слышим мы его редко. Художественное слово у нас в небрежении: публика к нему не приучена. Мы разучились слушать, понимать и чувствовать красоту русской речи.

Возрождение нации начинается с уважения к родному языку. Быть может, Российское телевидение сделает постоянным поэтический театр? Быть может, свобода слова распространится и на русскую литературу?

Маргарита КВАСНЕЦКАЯ.

Фото Б. Кремера.

Прислушайтесь!